Н. Агнивцевъ.

Санктъ-Петербургъ.

Н. АГНИВЦЕВЪ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тифлисъ 1921 г.

ИЗДАНІЕ
ТЕАТРА
„КРИВОЙ ДЖИММИ“

Типографія Грузинскаго Т-ва Печати пр. Руставели № 26.

Александръ Федоровичъ
Перегонецъ
съ любовью и аплодисментами.

Н. Агнивцевъ.

ВДАЛИ ОТЪ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГЪ!

Л. Д. Леонидову.

Ужель въ скитаніяхъ по міру
Васъ не пронзитъ ни разу, вдругъ,
Молніеносною рапирой
Стальное слово „Петербургъ"?

Ужели Пушкинъ, Достоевскій,
Дворцовъ застывшій плацъ-парадъ,
Нева, Мильонная и Невскій
Вамъ ничего не говорятъ?

А тронъ Россійской Клеопатры
Въ своемъ саду, и супротивъ—
Александринскаго театра
Непоколебленный массивъ?

Ужель невѣдомы вамъ даже:
Фасадъ Казанскихъ колоннадъ?
Каріатиды Эрмитажа?
Взлетѣвшій Петръ, и Лѣтній садъ?

Ужели вы не проѣзжали—
Въ немного странной вышинѣ—
На старомодномъ имперіалѣ
По Петербургской сторонѣ?

Ужель изъ рюмокъ тонно-узкихъ
Цѣдя зеленый Пипермёнтъ,
Къ ногамъ красавицъ Петербургскихъ
Вы не бросали комплиментъ?

А непреклонно—раздраженный
Заводовъ Выборгскихъ гудокъ?
А бѣлый ужинъ у Донона?
А Доминикскій пирожокъ?

А разноцвѣтные цыгане
На Черной рѣчкѣ за мостомъ,
Когда въ предутреннемъ туманѣ
Все кувыркается вверхъ дномъ,

Когда моторовъ вереница
Летитъ, дрожа, на острова,
Когда такъ сладостно кружится
Отъ Редерера голова!...

Ужели васъ рукою страстной
Не молодилъ на сотню лѣтъ,
На первомайской сходкѣ—красный
Бурлящій Университетъ?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вамъ краткій адресъ для Амура
В. О. 7 л. д. 20-а?

Ужели вы не любовались
На сфинксовъ фивскую чету?
Ужели вы не цѣловались
На Поцѣлуевомъ мосту?

Ужели бѣлой ночью въ маѣ
Вы не бродили у Невы?...
Я ничего не понимаю!...
Мой Боже, какъ несчастны вы!..

СТРАННЫЙ ГОРОДЪ.

Н. Г. Шебуеву.

Санктъ-Петербургъ — гранитный городъ,
Взнесенный Словомъ надъ Невой,
Гдѣ небосводъ давно распоротъ —
Адмиралтейскою иглой!

Какъ явь, вплелись въ твои туманы—
Видѣнья двухсотлѣтнихъ сновъ, —
О, самый призрачный и странный
Изъ всѣхъ россійскихъ городовъ!

Недаромъ Пушкинъ и Растрелли,
Сверкнувши молніей въ вѣкахъ,
Такъ титанически воспѣли
Тебя — въ гранитѣ и — въ стихахъ!

И — майской ночью въ бѣломъ дымѣ,
И — въ завываньи зимнихъ пургъ —
Ты — всѣхъ прекраснѣй, — несравнимый
Блистательный Санктъ-Петербургъ!

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТРІОЛЕТЫ.

Е. Н. Невѣровой.

Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй Невской перспективы,
Когда огней вечернихъ нить
Начнетъ размѣренно чертить
Въ туманѣ красные извивы?...
Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй Невской перспективы?...

Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй майской бѣлой ночи,
Когда начнетъ Былое вить
Сѣдыхъ вѣковъ сѣдую нить—
И возвратить столѣтья хочетъ?
Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй майской бѣлой ночи?

Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй дамы Петербургской,
Когда она́ захочетъ свить
Любви изысканную нить,
Рукой небрежною и узкой?
Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй дамы Петербургской?.

У АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА.

К. А. Марджанову.

Тамъ, гдѣ Россійской Клеопатры
Чугунный взоръ такъ горделивъ,—
Александринскаго театра
Чеканный высится массивъ.

И въ ночь, когда притихшій Невскій
Глядитъ на бронзовый фронтонъ,—
Бѣлѣетъ тѣнь Коммиссаржевской
Межъ историческихъ колоннъ...

Ахъ, Петербургъ, съ отцовской лаской
Ты ей гордишься... Знаю я:
Была твоей послѣдней сказкой—
Коммиссаржевская твоя...

Нѣжнѣе этой сказки – нѣту!
Ахъ, Петербургъ, меня дивитъ—
Какъ могъ придумать сказку эту
Твой размечтавшійся гранитъ?!

САНКТЪ – ПЕТЕРБУРГЪ.

З. П.

Ахъ, какъ пріятно въ день весенній
Урвать часокъ на променадъ
И для галантныхъ приключеній
Зайти въ веселый Лѣтній садъ.
Тамъ, средь толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный видъ,—
Съ разочарованной улыбкой
Поручикъ Лермонтовъ стоитъ....

Ахъ, Санктъ Петербургъ, все въ тебѣ очень
странно.
Серебряно—призрачный городъ тумановъ!.
Ахъ, Петербургъ,—красавицъ мушки,
Дворцы каналы, Невскій твой!
И Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
У парапета надъ Невой!

А бѣлой ночью, какъ нелѣпость,
Забывши день, всю ночь безъ сна
На Петропавловскую крѣпость
Глядѣть изъ темнаго окна!..
И, лишь запрутъ въ Гостинномъ лавки,
Несутся къ небу до утра
Рыданье Лизы у Канавки
И топотъ Мѣднаго Петра!.

Ахъ, Санктъ-Петербургъ, все въ тебѣ очень
странно, —
Серебряно-призрачный городъ тумановъ!..
Ахъ Петербургъ, красавицъ мушки,
Дворцы, каналы, Невскій твой!
И Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
У парапета надъ Невой!...

СЛУЧАЙ НА ЛИТЕЙНОМЪ ПРОСПЕКТѢ.

Яссе Андроникову.

Въ этотъ вечеръ надъ Невою
Всталъ туманъ!.. И градъ Петра
Запахнулся съ головою
Въ бѣлый плащъ изъ серебра.
И, тотчасъ же, для начала,
Съ томнымъ крикомъ, вдалекѣ,
Поскользнулась и упала
Дама съ мушкой на щекѣ.—
    На Литейномъ, прямо, прямо,
    Возлѣ третьяго угла,—
    Тамъ, гдѣ Пиковая Дама
    По преданію жила!
И въ слезахъ, прождавъ немало,
Чтобы кто помогъ ей встать,—
Въ огорченьи страшномъ стала
Дама ручками махать.
И на зовъ прекрасныхъ ручекъ,
Къ ней со всѣхъ пустившись ногъ,
Нѣкій Гвардіи поручикъ
Мигомъ дамѣ встать помогъ.

На Литейномъ, прямо, прямо,
Возлѣ третьяго угла,—
Тамъ, гдѣ Пиковая Дама
По преданію жила!
Что-же дальше? Ахъ, избавьте.
Не извѣстенъ намъ финалъ.
Мы не видѣли...—Представьте,
Намъ... туманъ... тамъ помѣшалъ...
Мы одно сказать лишь можемъ:
Былъ поручикъ очень милъ...
И затѣмъ, однимъ прохожимъ
Поцѣлуй услышенъ былъ—
На Литейномъ, прямо, прямо,
Возлѣ третьяго угла,
Тамъ, гдѣ Пиковая Дама
По преданію жила!

ДАМА НА СВИДАНЬИ.

В. Саловy.

Вы не видали господина—
Виновника сердечныхъ мукъ?
На немъ—цилиндръ и пелерина
И блѣдно-палевый сюртукъ.

Вотъ, какъ завутъ его?—Не помню?
—Вчера въ Гостинномъ у воротъ
Безъ разрѣшенія его мнѣ
Представилъ просто самъ Эротъ!

Онъ подошелъ съ поклономъ низкимъ
Корректно сдержанъ a l'anglaise!
Тихонько передалъ записку,
Приподнялъ шляпу и—исчезъ!

Ахъ, гдѣ-жъ записка?—Ради Бога!
Ахъ, вотъ она! Лети печаль!
Вотъ: Николай Васильичъ Гоголь...
Вы не слыхали?—Очень жаль!

В. О. 17 Л.

Ю. Красовскому

Вотъ раскрытое окошко!
И задумчиво сидитъ
Въ томъ окошкѣ, рядомъ съ кошкой,
Госпожа Агнесса Шмидтъ.
Гдѣ-то мѣрно бьетъ „12“..
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздѣваться
Госпожа Агнесса... И—
--Ахъ, Агнессочка, Агнессочка!...
Опустилась занавѣсочка!...

Черезъ мигъ, довольно рѣзко,
Совершенно невзначай,
Вдругъ, поднялась занавѣска!
—Ай, Агнесса! Ай-яй-яй!.
Рядомъ съ ней, въ любви неистовъ,
Въ совершенномъ забытьи —
Господинъ судебный приставъ
Страстно шепчетъ что-то... И—
—Ахъ, Агнессочка, Агнессочка!.
Опустилась занавѣсочка!

Черезъ мигъ, ужасно рѣзко,
Чьей-то гнѣвною рукой —
Вновь поднялась занавѣска!
—Ой, Агнесса! Ой-ой-ой!..
Ахъ, какъ грустно, ахъ, какъ жалко
Неудачниковъ въ любви!
—Мужъ Агнессы съ толстой палкой
Къ нимъ подходитъ быстро... И —
Ахъ, Агнессочка, Агнессочка....
Опустилась занавѣсочка!

ПАВЕЛЪ I-ЫЙ.

Н. Берети.

Смерть съ Безумьемъ устроили складчину!
И, смѣнивъ на порфиру камзолъ,
Въ Петербургъ прискакавши изъ Гатчины,
Павелъ I-ый взошелъ на престолъ.

И, судьбою въ порфиру укутанный,
Быстрымъ маршемъ въ вѣка зашагалъ,
Подгоняя Россію шпицрутеномъ,
Коронованный Богомъ капралъ.

Смерть шепнула Безумью встревоженно:
„Посмотри: видишь гробъ золотой?
Въ немъ Россія монархомъ положена,
Со святыми ее упокой!“

Отчего такъ блѣдны щеки дѣвичьи—
Рано вставшихъ великихъ княженъ?
Отчего тонкій ротъ цесаревича
Дрожью странною такъ искривленъ?

Отчего тяжко такъ опечалена
Государыня въ утренній часъ?
И съ лица поблѣднѣвшаго Палена
Не отводитъ испуганныхъ глазъ?!...

Во дворцѣ не всѣ свѣчи потушены!
Три свѣчи свѣтятъ въ гробъ золотой:
Въ немъ лежитъ императоръ задушенный!
Со святыми его упокой!

ПРИНЦЕССА МОЛЬ.

Н. Г. Сѣверскому съ К. Ж. и Н.

Ахъ, шумъ кулисъ извивно-узкихъ!
Ахъ, закулисная фриволь!
Ахъ, блескъ театровъ Петербургскихъ!...
Все знаю—я принцесса Моль!

Я помню радостные миги...
Я помню преклоненный залъ,
Когда безсмертный Каратыгинъ
Вдвоемъ съ Безсмертіемъ игралъ!

И вижу я, какъ въ медальонѣ,
Какъ только что ушедшій сонъ:
Носокъ летающей Тальони
И четкій профиль Монбазонъ.

И, сквозь столѣтіе, донынѣ—
Изъ глубины могильныхъ плитъ—
"La donna" юнаго Мазини
Еще въ ушахъ моихъ звенитъ.

Но въ Вѣчность, огненнымъ Закатомъ,—
Ушли былыя времена...
И, нынѣ, въ 910—омъ
Иныя встали имена.

И, стариковъ своихъ не выдавъ,
Неколебимы средь толпы—
Варламовъ, Ходотовъ, Давыдовъ—
Александринскіе столпы...

Ахъ, Петербургъ, въ борьбѣ съ судьбою,
Въ глазахъ все небо затая,—
Горитъ лампадой предъ тобою
Комиссаржевская твоя.

То упадая, то взлетая,
Съ Невы на цѣлый міръ кругомъ—
Сверкаетъ Павлова 2-ая
Алмазно—блещущимъ носкомъ.

А „Лѣтній Буффъ“!!. Ахъ, въ изступленьи,—
До Невскаго несется „bis“,
Когда тамъ съ Вяльцевой въ „Еленѣ“
Играетъ Сѣверскій—Парисъ...

Скороговорщикомъ затѣйнымъ
Во всю рѣзвится, второпяхъ,—
Курихинъ Федя на Литейномъ,
Въ ста восемнадцати роляхъ!

Но, Чу... Часы!... Какъ быстро осень
Спускаетъ съ неба вечера.
—На Петропавловкѣ бьетъ „8“
И мнѣ въ „Маріинскій“ пора!

Ахъ, словно мухи на бисквитѣ,—
Всѣ дамы—тамъ!.. Наперечетъ!
—Ахъ, тамъ вѣдь Собиновъ,—поймите,—
Сегодня „Ленскаго“ поетъ!..

ДАМА ИЗЪ ЭРМИТАЖА.

Ив. Вольскому.

Ахъ, я устала, такъ что даже
Ушла, покинувъ царскій балъ!..
Самъ императоръ въ Эрмитажѣ
Со мной сегодня танцевалъ!

И мнѣ, до сей поры, все мнится:
Блескъ императорскихъ погонъ
И комплиментъ императрицы
И цесаревича поклонъ.

Ахъ, какъ мелькали тамъ мундиры!
(Знай только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры
И камергеры и пажи!

Но, больше чѣмъ всѣ кавалеры,
Меня волнуетъ до сихъ поръ
Невѣдомаго офицера
Мнѣ по плечамъ скользнувшій взоръ!

И я отвѣтила ему бы,
Но тутъ вотъ, въ довершенье золъ,
Къ нему, сжавъ вздрогнувшія губы,
Мой мужъ сейчасъ же подошелъ!

Pardon! Вы, кажется, спросили
Кто мужъ мой? Какъ бы вамъ сказать..
Въ числѣ блистательныхъ фамилій
Его, увы, нельзя назвать!..

Но онъ въ рукахъ моихъ игрушка!
О немъ слыхали вы?—иль нѣтъ?—
Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Камеръ-юнкеръ и поэтъ!..

ВЪ ДОМИКѢ НА ВВЕДЕНСКОЙ

Н. Кайсарову.

У нея-зеленый капоръ
И такіе-же глаза;
У нея на сердцѣ-прапоръ.
На колечкѣ—бирюза!
—Ну и что-же тутъ такого?..
Называется-жъ она
Марь Иванна Иванова
И живетъ ужъ издавна
Въ томъ домишкѣ, что сутулится
На углу Введенской улицы
Позади сгорѣвшихъ бань,
Гдѣ подъ окнами—скамеечка,
А на окнахъ—канареечка
И — герань!

Я отъ зависти тоскую!
Боже правый, помоги!
Ахъ, какіе поцѣлуи.
Ахъ, какіе пироги!

Мы одно лишь тутъ замѣтимъ,
Что, по совѣсти сказать,—
Вмѣстѣ съ прапоромъ-то этимъ
Хорошобы побывать—
В томъ домишкѣ, что сутулится
На углу Введенской улицы
Позади сгорѣвшихъ бань,
Гдѣ подъ окнами-скамеечка,
А на окнахъ—канареечка
И—герань!

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

М. З. Костиной.

Бѣлой ночью бѣлый ландышъ
Я воткну грустя въ петлицу
И пойду за бѣлой сказкой
Въ бѣлый призрачный туманъ...

Посмотрите, посмотрите,
У „цѣпного моста“ кто-то
Въ старомодной пелеринѣ
Неподвижно смотритъ вдаль.

Господинъ въ крылаткѣ тихо
Про него шепнулъ другому:
— „Николай Васильичъ Гоголь—
Сочинитель мертвыхъ душъ“...

У Сената, сдвинувъ брови,
Гнетъ сверкающую шпагу
Незнакомецъ въ треуголкѣ
Съ пистолетомъ при бедрѣ..

Отчего такъ странно-блѣденъ
Незнакомецъ въ треуголкѣ?
Отчего сжимаетъ петля
Золоченый воротникъ?..

Чу! Къ нему, гремя оружіемъ,
Съ двухъ сторонъ подходятъ двое.
Подошли: „Полковникъ Пестель,
Насъ прислалъ къ вамъ Государь“!..

Бѣлый, мертвой странной ночью,
Наклонившись надъ Невою,
Вспоминаетъ о минувшемъ
Странный городъ Петербургъ!

Посмотрите, посмотрите,
Вотъ, задумался о чемъ-то
Незнакомецъ въ альмавивѣ,
Опершись на парапетъ...

Съ петропавловской твердыни
Бьютъ петровскіе куранты,
Вызывая изъ могилы
Безпокойныхъ мертвецовъ!

И, тотчасъ-же, возлѣ арки,
Тамъ, гдѣ зимняя канавка,
Бѣлый призракъ Бѣлой Дамы—
Бѣлымъ облакомъ сошелъ.

Зазвенѣли гдѣ-то шпоры
И по мертвому граниту—
Къ мертвой дамѣ на свиданье
Мчится мертвый офицеръ!

—„Германъ?!"—„Лиза"?.. И, тотчасъ-же,
Оторвавшись отъ гранита,
Незнакомецъ въ альмавивѣ—
Гордый профиль повернулъ.

—Александръ Сергѣичъ, вы-ли,
Вы-ли это?... Тотъ, чье имя
Я въ своихъ стихахъ несмѣю
До конца произнести?.

Бѣлой, мертвой странной ночью,
Наклонившись надъ Невою,—
Вспоминаетъ о минувшемъ—
Странный городъ Петербургъ

УЖЕЛЬ НАСТУПИТЪ ЭТОТЪ ЧАСЪ?

А. А. Губину.

Ужель наступитъ этотъ часъ
На Петропавловскихъ курантахъ,
Когда столица, въ первый разъ,
Заблещетъ въ этотъ страшный часъ—
Въ слезахъ, какъ ранѣе въ бриліантахъ?!
Ужель наступитъ этотъ часъ
На Петропавловскихъ курантахъ?

Ужель наступитъ этотъ годъ
Надъ Петербургомъ вѣчно-звоннымъ,
Когда гранитъ—во прахъ падетъ
И кровь забрызжетъ небосводъ
И ахнетъ твердь гранитнымъ стономъ?
— Ужель наступитъ этотъ годъ
Надъ Петербургомъ вѣчно-звоннымъ?!...

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Л. Н. Андрониковой.

Гдѣ Всадникъ Чугунный коня на дыбы
Поднялъ, пригвоздивши на мѣстѣ,
Не зная, что конь сброситъ, волей судьбы,
Узду съ новымъ всадникомъ вмѣстѣ,

Гдѣ въ нѣкій декабрь, вдругъ, сверкнулъ и погасъ
Мятущійся факелъ волненій,—
Сѣдыхъ декабристовъ въ полуночный часъ
Встаютъ величавыя тѣни.

Одна лишь могила спасла отъ оковъ
Ихъ жизнь!.. И на каждомъ мундирѣ—
Сплетается блескъ эрмитажныхъ баловъ
И пыль рудниковой сибири!...

И смотрятъ они на фронтонъ вѣковой,
Гдѣ все ихъ страданіемъ свято,
Гдѣ царь вырвалъ шпаги ихъ гнѣвной рукой
У вздрогнувшихъ оконъ Сената!

И вотъ, вновь зоветъ ихъ великій народъ—
Ихъ, звавшихъ Свободу, впервые!
И, съ ними обнявшись, изъ гроба встаетъ
Уснувшая Совѣсть Россіи!

И мѣрно проходятъ въ парадѣ ночномъ
Предъ ликомъ побѣдной Свободы
И смотрятъ, схватившись за шпаги, кругомъ—
Въ зажженную даль небосвода:

—Что дали февральскіе славные дни
Родному усталому краю?..
—И... Никнутъ печально въ молчаньи они
И старыя шпаги—ломаютъ!

КНЯЗЬ ПАВЕЛЪ.

В. Францессону.

Съ княземъ Павломъ сладу нѣту!
Ахъ, и такъ, все дѣло въ томъ,
Что къ статсъ-дамѣ онъ въ карету
Подъ сидѣнье влѣзъ тайкомъ!
Не качайте головами!
Вѣдь бѣды особой нѣтъ,—
Если было той статсъ-дамѣ—
Только... только 20 лѣтъ!..

Это было въ придворной каретѣ—
Съ княземъ Павломъ въ былые года...
Это было при Елизаветѣ
И не будетъ ужъ вновь—никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статсъ-дама:—„Ой,
„Сколь вы прытки, государь мой,
И—сколь дерзостны со мной!
Князь ей что-то тутъ невнятно
Прошепталъ... И—стихло тамъ!..
—Ахъ, любовь—весьма пріятна—
Даже... даже—для статсъ-дамъ!

Это было въ придворной каретѣ—
Съ княземъ Павломъ въ былые года...
Это было при Елизаветѣ
И не будетъ ужъ, вновь,—никогда!

И, взгянувъ на вещи прямо,
Поборовъ конфузъ и страхъ,
Очень долго та статсъ-дама
Пребывала въ облакахъ!...
И, у дома, спрыгнувъ на земь
Съ той заоблачной стези,—
Нѣжно такъ простилась съ княземъ
И промолвила: „Мерси"
Это было въ придворной каретѣ—
Съ княземъ Павломъ въ былые года...
—Это было при Елизаветѣ
И не будетъ ужъ вновь—никогда!

ЕЛИСАВЕТЪ.

К. С. Судейкиной.

Ау, вѣка! Ахъ, гдѣ ты, гдѣ ты—
Веселый вѣкъ Елизаветы,
Одѣтый въ золото и шелкъ,
Когда, въ ночи, шагая лѣвой,
Шелъ на свиданье, какъ Ромео,
Къ Императрицѣ цѣлый полкъ;
Когда на царскомъ фестивалѣ
Сержанты томно танцевали
Съ Императрицей менуэтъ...
—Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисаветъ.
Ау, вѣка!! Ахъ, гдѣ ты, гдѣ ты
Веселый вѣкъ Елизаветы.
Когда на площади Сѣнной,
Палачъ въ подаренной рубахѣ
Къ ногамъ царицы съ черной плахи
Швырнулъ языкъ Лопухиной,
И крикнулъ съ пьяною усмѣшкой—
—„Эй, ты, честной народъ, не мѣшкай!
Кому языкъ? Берешь, аль нѣтъ?!"
—Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисаветъ.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ

С. Берковичу.

Все это было въ переулкѣ
На Петербургской Сторонѣ,
Гдѣ всѣ шаги черезмѣрно гулки...
И въ поэтической прогулкѣ
Вы поболтать позвольте мнѣ—
О томъ, что было въ переулкѣ—
На Петербургской сторонѣ...

Въ томъ переулкѣ былъ—домишка,
Ну, а въ домишкѣ томъ—она—
Съ полуразрѣзанною книжкой,
Съ тоской, вязаньемъ и Амишкой—
Майора нѣкаго жена!
Въ томъ переулкѣ былъ—домишка,
Ну, а въ домишкѣ томъ—она!

Майоръ! Майоръ! Но гдѣ майоръ—же?—
Майоръ воюетъ на войнѣ!
Что можетъ быть на свѣтѣ горше
Судьбы скучающей майорши—
На Петербургской сторонѣ?
Майоръ! Майоръ! Но гдѣ майоръ—же?
Майоръ—воюетъ на войнѣ!

Но, вотъ, коллежскій регистраторъ—
Всталъ передъ нею а „jenoux“
И, сдѣлавъ подъ окномъ сперва туръ,
Въ любви пылая, какъ экваторъ,
Прельстилъ майорову жену—
Коллежскій этотъ регистраторъ—
Предъ нею вставши а „jenoux!“

Что-жъ? Кромѣ всяческихъ военныхъ
Есть и—гражданскіе чины!
И, не позоря чинъ военный,
Мы безпристрастно совершенно
Отмѣтить все-же тутъ должны,
Что-кромѣ всяческихъ военныхъ-
Есть и—гражданскіе чины!

ДѢДУШКА и ВНУЧКИ.

Ф. Курихину.

„Пришли къ вамъ, дѣдушка, съ поклономъ,
Не прогоните насъ опять!
Вѣдь сказку новую давно намъ
Вы обѣщали разсказать“...
„Эхъ, эта сказочка—плохая!..
Ну, вотъ! Жила—была одна—
Аленушка
„А кто такая?“
„Аленушкой звалась она!..
Была она—стройнѣе клена?
Березка бѣлая—душа!“
— „А хороша была Алена?“
— „Да, дѣтки, очень хороша!“
„Но, вотъ, зимой метель завыла!..
„Алену снѣгомъ занесло!“...
„И тяжело ей очень было?“
„Да, дѣтки, очень тяжело!“
— „Ахъ, дѣдушка, но отчего-же
Никто Аленѣ не поможетъ?“
„Тссъ, внучки, что вы тамъ опять?..
О томъ еще вамъ рано знать!“

*
* *

„Ну, вотъ, опять дѣдъ носъ повѣсилъ!..
Онъ плачетъ?.. Что такое съ нимъ?“
„Эхъ, чортъ возьми, и я былъ веселъ,
Тогда, когда былъ молодымъ!
Бывало, въ Питерѣ, мнѣ вторя,
Весь факультетъ нашъ хохоталъ!..
Ахъ, сколько зналъ моихъ исторій
Екатерининскій каналъ!..
А сколько разъ мы на каналѣ
Встрѣчали утренній разсвѣтъ!“
„А развѣ ночью не стрѣляли?“
„Представьте дѣточки, что нѣтъ!...
А на балахъ, всю ночь на славу
Кружа межъ дамъ прокатный фракъ,
Я и налѣво и направо,
И такъ, и эдакъ, и вотъ такъ!“
„Ахъ, дѣдъ, а вамъ-то, послѣ бала—
Отъ бабушки не попадало?“
„Тссъ, внучки! Что вы тамъ опять?
О томъ еще вамъ рано знать!“

* *
*

Какъ странно-гулокъ спозаранку,
На Моховой копытный стукъ!...
Вотъ Петръ, вотъ Невскій, вотъ Фонтанка...
И мой студенческій сюртукъ!...
Пусть пѣсня Невская пропѣта,
Но до сихъ поръ въ душѣ живы:
И гомонъ Университета,
И тихій дальній плескъ Невы!"
„Вы, дѣдъ, взгрустнули не на шутку!..
Ахъ, дѣдъ, что съ вами стало вдругъ?"
„Ахъ, если бы хоть на минутку,—
Увидѣть, снова Петербургъ?!
Пусть на чужбинѣ—небо сине,
Пусть на чужбинѣ—жизнь красна,
И хорошо пусть на чужбинѣ,
Да все-жъ чужбина вѣдь она!!"
„А почему-бъ изъ заграницы
Вамъ—въ Петербургъ не возвратиться?!".
„Тссъ, внучки! Что вы тамъ, опять?!.
О томъ еще вамъ рано знать!"

ТУМАННАЯ ИСТОРІЯ.

В. Арбенину.

Ахъ, это все чрезмѣрно странно,
Какъ Грандиссоновскій романъ...
Ахъ, эта повѣсть такъ туманна,
Зане въ то время былъ туманъ...

И нѣкто въ сѣрой пелеринѣ,
Большой по виду ферлакуръ—
Промолвилъ дамѣ къ кринолинѣ
Многозначительно: „Bonjour“.

И долго тамъ въ туманѣ нѣкто
Съ ней цѣловался, неспроста,
Отъ Вознесенскаго проспекта—
До Поцѣлуева моста.

Но кто-жъ они? Ахъ, какъ ни странно,
Безъ лицъ ведется сей романъ!...
Ахъ, эта повѣсть такъ туманна,
Зане въ то время былъ туманъ...

И нѣкто въ черной пелеринѣ,
Столкнувшись съ ними, очень хмуръ,
Промолвилъ дамѣ въ кринолинѣ
Многозначительно: „Bonjour".

И долго тамъ въ туманѣ нѣкто
Бранился съ нею, неспроста,
Отъ Поцѣлуева моста—
До Вознесенскаго проспекта...

ГРАНИТНЫЙ ПРИЗРАКЪ

Н. А. Державному.

Какъ бьется сердце! И, въ печали,
На мигъ былое возвративъ,
Передо мной взлетаютъ дали
Санктъ-Петербургскихъ перспективъ! .

И, перерѣзавши кварталы,
Всплываютъ, вдругъ, изъ темноты
Санктъ-Петербургскіе каналы
Санктъ-Петербургскіе мосты!

И опершись на колоннады,
Встаютъ незыблемой чредой
Дворцовъ гранитныя громады
Надъ пышно—струйною Невой! . .

Звенятъ проспекты и бульвары
И въ безконечности ночей
На влажныхъ плитахъ троттуара
Дробится отсвѣтъ фонарей

Пусть апельсинныя аллеи
Лучистымъ золотомъ горятъ,
Мнѣ Петербургскій дождь милѣе,
Чѣмъ солнце тысячи Гренадъ!.

Пусть клонитъ голову все ниже,
Но ни друзьямъ и ни врагамъ
За всѣ Нью-Іорки и Парижи
Одной березки не отдамъ!

Что мнѣ Парижъ, разъ онъ не русскій?!
Ахъ, для меня, подъ дождь и градъ,
На каждой тумбѣ Петербургской
Цвѣтетъ шампанскій виноградъ!.

И, застилая все живое,
Туманомъ Невскимъ перевитъ,
Санктъ-Петербургъ передо мною —
Гранитнымъ призракомъ стоитъ!..

БУКЕТЪ ОТЪ ЭЙЛЕРСА.

С. К. Абашидзе.

Букетъ отъ Эйлерса!.. Вы слышите мотивъ
Двухъ этихъ словъ, увы, такъ отзвенѣвшихъ скоро?..
Букетъ отъ Эйлерса,—того, что супротивъ
Многоколоннаго Казанскаго собора!..

Ахъ. помню я: еще, совсѣмъ не такъ давно
Ты помнишь, мой букетъ, какъ въ бѣломъ, бѣломъ залѣ
На тумбочкѣ рѣзной у стараго пано
Стоялъ ты въ хрусталѣ на Крюковомъ каналѣ?

Сверкала на окнѣ узоровъ льдистыхъ вязь,
Звенѣлъ гулъ саннаго искрящагося бѣга
И падалъ весело декабрьскій снѣгъ, кружась!..
Букетъ отъ Эйлерса вѣдь не боялся снѣга!

Но въ три дня надъ Невой столѣтье пронеслось!
Теперь не до цвѣтовъ! И отъ всего букета,—
Какъ срѣзанная прядь отъ дорогихъ волосъ,—
Остался лишь цвѣтокъ засушенный вотъ этотъ!..

Букетъ отъ Эйлерса давно уже засохъ!..
И для меня теперь въ рыдающемъ изгнаньи—
Въ засушенномъ цвѣткѣ дрожитъ послѣднiй вздохъ
Санктъ-Петербугскихъ дней, разстаявшихъ въ туманѣ!

Букетъ отъ Эйлерса! Вы слышите мотивъ
Двухъ этихъ словъ, увы такъ отзвенѣвшихъ скоро?..
Букетъ отъ Эйлерса,—того, что супротивъ
Многоколоннаго Казанскаго Собора...

ДАМА ВЪ КАРЕТѢ.

Ю. Э. Озаровскому.

Въ Парижъ! Въ Парижъ! Какъ странно—сладко
Ты, сердце, въ этотъ мигъ стучишь!..
Прощайте невскіе туманы,
Нева и Петръ!—Въ Парижъ! Въ Парижъ!

Тамъ—дымъ всемірнаго угара,
Rue de la Pàix, Grande Opera,
Виномъ залитые бульвары
И—карнавалы до утра!

Парижъ—любовная химера!—
Все пало предъ тобой уже!
Парижъ Бальзака и Бодлера,
Парижъ Дюма и Беранже!

Парижъ кокотокъ и абсента,
Парижъ застывшихъ Луврскихъ нишъ.
Парижъ Коммуны и Конвента
И—всѣхъ Людовиковъ Парижъ!

Парижъ бурлящаго Монмартра,
Парижъ Верленовскихъ стиховъ,
Парижъ штандартовъ Бонопарта.
Парижъ двѣнадцати вѣковъ!

И тянетъ, въ страсти неустанной,
Къ тебѣ весь мiръ уста свои,—
Парижъ Гюи-де-Мопасана,
Парижъ смѣющейся любви!

И я везу туда не мало
Добра въ фамильныхъ сундукахъ:
И слитки золота съ Урала
И перстни въ дѣдовскихъ камняхъ!

Пускай Парижъ тамъ подивится,
Своихъ франтихъ разшевеля,
На чернобурую лисицу,
На горностай и соболя!

Но ѣду все-жъ съ тоской въ душѣ я!
Дороже мнѣ поклажи всей
Вотъ эта ладанка на шеѣ!
Въ ней горсть родной земли моей!

Ахъ, и въ аллеяхъ Люксембурга
И въ шумѣ ресторанныхъ залъ—
Туманный призракъ Петербурга
Передо мной вездѣ стоялъ!..

Пусть онъ—невидимъ! Пусть далекъ онъ!
Но въ грохотѣ парижскихъ дней—
Всегда, какъ въ медальонѣ—локонъ,—
Санктъ-Петербургъ—въ душѣ моей!

Н. Н. ХОДОТОВУ

Когда тебя увижу, вдругъ,
—Вмигъ,—подъ дрожащей пеленою,
Весь старый пышный Петербургъ
Встаетъ, какъ призракъ, предо мною:

—Декабрьскихъ улицъ бѣлизна,
Нева и Каменностровскій
И мѣрный говоръ Куприна,
И трели Лидіи Липковской;

И пробка шумнаго „Аи“,
И Вильбушевичъ съ Де-Лазари;
Пажи безсмѣнные твои—
На піанино, и гитарѣ;

И—всѣхъ встрѣчающій домъ твой,
Гдѣ не слыхали слова: „Тише!“
И—неразрывныя съ тобой—
Александринскія афиши!..

Ты—знамя юности моей!
Тебя несу въ душѣ донынѣ!..
Ты—отблескъ Петербургскихъ дней—
На пріютившей насъ чужбинѣ!

ГОЛУБАЯ ДАМА.

Н. Кайсарову.

Въ этотъ день, какъ огромный опалъ,
Было небо прозрачно... И нѣкто,
Въ черный плащъ запахнувшись, стоялъ
На мосту у „Большого Проспекта"...

И къ нему, проскользнувъ межъ каретъ,
Словно выйдя изъ бархатной рамы,
Подошла, томно вскинувъ лорнетъ,
Въ голубомъ незнакомая дама...

Былъ на ней голубой кринолинъ
И была вся она—голубою,
Какъ далекій аккордъ клавессинъ,
Какъ апрѣльскій туманъ надъ Невою...

—„Государь мой, признайтесь: вѣдь вы
„Тотъ вельможа, чей жребій такъ славенъ,—
„Князь Тавриды Потемкинъ?!“ „Увы,
„Я всего только старый Державинъ!“.

И, забывъ о Фелицѣ своей,
Сбросивъ съ плечъ тяготившіе годы,
Старый мастеръ сверкнулъ передъ ней,
Всею мощью Державинской оды!..

Но она, подобравъ кринолинъ,
Вдаль ушла, чуть кивнувъ головою...
—Какъ далекій аккордъ клавессинъ,
Какъ апрѣльскій туманъ надъ Невою...

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ.

Б. Добровольскому.

Вы не бывали
На каналѣ?—
На, погрузившемся въ печаль,
Екатерининскомъ каналѣ,
Гдѣ воды, тяжелѣе стали,—
За двѣсти лѣтъ бѣжать устали
И побѣгутъ опять едва-ль..
—Вы тамъ навѣрное бывали?
—А не бывали?—Очень жаль!

Эротъ, въ ночи, однажды, тайно
Надъ Петербургомъ пролеталъ
И уронилъ стрѣлу случайно
Въ Екатерининскій каналъ.
Старикъ-каналъ, въ волненьи странномъ,
Запѣнилъ, забурлилъ вокругъ
И вмигъ—Индійскимъ Океаномъ
Себя почувствовалъ онъ вдругъ!..

И, заплескавши троттуары,
Ревѣлъ, томился и вздыхалъ
О паралельной Мойкѣ старый
Екатерининскій каналъ...
Но, Мойка—женщина. И, бойко
Рѣшивъ любовныя дѣла,
Ахъ!.. Крюкову каналу Мойка
Свое теченье отдала!..
Ахъ, сильно ранитъ страсти жало!..
И пожелтѣлъ тамъ, на финалъ,
Отъ козней Крюкова канала—
Екатерининскій каналъ!..

Вы не бывали
На каналѣ?...
На, погрузившемся въ печаль,
Екатерининскомъ каналѣ,
Гдѣ воды, тяжелѣе стали,
За двѣсти лѣтъ бѣжать устали
И побѣгутъ опять едва-ль?
Вы тамъ навѣрное бывали?
А не бывали?—Очень жаль!

КОРОБКА СПИЧЕКЪ.

Юр. Юргенсону.

Какъ вздрогнулъ мозгъ, какъ сердце сжалось!
Весь день безъ словъ, вся ночь безъ сна!...
Сегодня въ руки мнѣ попалась
Коробка спичекъ Лапшина...

Ахъ, сердце, рабъ былыхъ привычекъ!
И передъ нимъ видѣньемъ, вдругъ,
Изъ маленькой коробки спичекъ
Всталъ весь гигантскій Петербургъ!

Исакій, Петръ, Нева, Крестовскій,
Стозвонно—плещущій Пассажъ,
И плавный Каменноостровскій,
И баснословный Эрмитажъ,

И первой радости зарницы,
И грусти первая слеза,
И чьи-то длинныя рѣсницы,
И чьи-то сѣрые глаза...

Поймете-ль вы, чужія страны,
Меня въ безуміи моемъ?
Вѣдь это юность изъ тумана
Мнѣ машетъ бѣлымъ рукавомъ!.

Послѣднимъ шопотомъ привѣта
Отъ Петербурга лишь одна
Осталась мнѣ, всего лишь, эта—
Коробка спичекъ Лапшина..

КОГДА ГОЛОДАЕТЪ ГРАНИТЪ...

Г. С. Ермолову.

Былъ день и часъ, когда уныло
Вмѣшавшись въ шумную толпу,
Краюшка хлѣба погрозила
Александрійскому столпу!

Какъ хохотали переулки,
Проспекты, улицы!.. И, вдругъ,—
Предъ трехкопеечною булкой
Склонился ницъ Санктъ Петербургъ!..

И въ звонѣ утренняго часа
Скрежещетъ лязгъ голодныхъ плитъ!..
И, вотъ, отъ голода—затрясся
Елизаветинскій гранитъ!

Вздохнули старые палаццо...
И. потоптавшись у колоннъ,
Пошелъ на Невскій—продаваться
Весь блескъ прадѣдовскихъ временъ!

И сразу сгорбились фасады.
И. стиснувъ зубы, надъ Невой—
Восмиэтажныя громады
Стоятъ съ протянутой рукой!..

—Ахъ Петербургъ, какъ страшно просто
Подходятъ дни твои къ концу!...
Подайте „Троицкому мосту“,
—Подайте „Зимнему дворцу“!

ВЫ ПОМНИТЕ БЫЛЫЕ ДНИ.

И. Мачабели.

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Надъ Петербургскою Невою!!

Вы помните какъ ночью, вдругъ,
Взметнулись красныя зарницы
И утромъ вдѣлъ С.-Петербургъ
Гвоздику юности въ петлицу?..

Ахъ, кто могъ знать, глядя въ тотъ разъ
На двухсотлѣтняго гиганта,
Что бьетъ его послѣдній часъ
На Петропавловскихъ курантахъ!.

И вотъ, иные дни пришли!
И для изгнанниковъ дни эти
Идутъ вдали отъ ихъ земли
Тяжелой поступью столѣтій!..

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!!
Какъ былы праздничны они
Надъ Петербургскою Невою!..

Вы помните иглистый шпицъ
Что Пушкинъ пѣлъ такъ небывало?
И пышность бронзовыхъ страницъ
На вѣковѣчныхъ пьедесталахъ?

И ту гранитную скалу,
Гдѣ Всадникъ взвился у обрыва
И вдаль летящую стрѣлу
Звенящей Невской перспективы;

И красокъ вѣчный карнавалъ
Въ картинныхъ рамахъ Эрмитажа
И электрическій скандалъ
Часовъ „Омега“ надъ Пассажемъ;

И толщь Исакіевскихъ колоннъ
И разметенныя по свѣту
„Биржевку“, „Рѣчь“, „Сатириконъ“
И „Петербургскую газету“.

И вздохъ любви нежданныхъ встрѣчъ
На площадяхъ, въ садахъ и скверахъ,
И блескъ открытыхъ дамскихъ плечъ
На вернисажахъ и премьерахъ.

И чьи-то пряныя уста
И поцѣлуи въ чьемъ-то взорѣ
У разведеннаго моста
На ожидающемъ моторѣ...

Вы помните про тѣ года
Угасшей жизни Петербургской?.
Вы помните! никто тогда
Васъ не корилъ тѣмъ, что вы „русскій“

И бѣлымъ облакомъ скользя
Встаетъ все то въ душѣ тревожной
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(по алфавиту).

Стран.